

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

ШАНХАЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.:
ОТ “ТРОЙНОЙ ПОКОРНОСТИ” К РАВНОПРАВИЮ В БРАКЕ

© 2014

Ю. А. КУПРИЯНОВА

В статье анализируется новое явление в жизни среднего класса китайских женщин, проявившееся в резком изменении семейного статуса жительниц Шанхая в период существования Китайской Республики. В центре исследования находятся повышение статуса дочерей, получение женщиной права на развод, появление большого числа горожанок без семьи и трансформация института младших жен. Показано, что вследствие значительного изменения стиля жизни в сравнении с предыдущими веками городские жительницы получили новые возможности для саморазвития и реализации своего потенциала, но в то же время столкнулись с большим числом сложностей экономического и психологического характера.

Ключевые слова: Китай, Шанхай, положение женщины, равноправие в семье, брак.

Окончание правления маньчжурской династии Цин в Китае после Синьхайской революции дало старт многочисленным изменениям в политической и социально-экономической жизни страны. В первую очередь это ощутили немногочисленные жители крупных городов. Крестьянство, занятое тяжким трудом, фактически продолжало жить по-прежнему. В тот период в Китае среди крупных городов особое место занимал Шанхай, являвшийся, по сути, полукOLONиальным городом, атмосфера которого представляла собой смешение традиций и быта двух цивилизаций: западной и китайской. Проживание многочисленной европейской и американской диаспоры в центральной части города и статус крупнейшего в Восточной Азии торгового морского порта с многочисленными предпочтениями для иностранного бизнеса способствовали значительной европеизации быта части горожан. В период с начала XX в. и вплоть до захвата японскими войсками иностранных поселений¹ Шанхая в 1942 г. в городе можно было наблюдать нехарактерные для остального Китая явления как в экономической, так и в социокультурной жизни.

Часть китайских интеллектуалов откровенно недолюбливала местную среду. Привычки и стиль жизни шанхайцев часто подвергались критике в публицистических работах, прежде всего пекинских авторов [Лу Синь, 1934; Го Можо, 1921; Чжоу Цзожэнь, 1926]. Осуждение вызывали излишняя коммерциализация различных сфер жизни, декадентские настроения в обществе, низкий культурный уровень подавляющего числа жителей порта, представленных трудовыми мигрантами со всего Китая (подробнее о шанхайской культуре см.: [Селиверстова, 2013]). Особая эклектичная атмосфера города привлекала много неординарных талантливых личностей: публицистов, различных деятелей искусства и литературы. Интеллектуалы Шанхая принимали активное

¹ Международнй сеттлмент и Французская концессия.

участие в полемике вокруг новых идеалов и социальных концепций молодой Китайской Республики, которая велась в рамках движения за новую культуру² и движения 4 мая³.

Одним из главных вопросов, волновавших деятелей культуры в 1910–1920-е гг., стало освобождение китайских женщин (*фунью цзефан*). Ими активно обсуждался образ “новой женщины” (*синь ньюсин*), которая должна была обладать набором качеств равноправного с мужчиной члена общества. В январе 1920 г. в Шанхае был основан журнал под названием “Новая женщина”⁴. Основными проблемами, которые поднимали в своих статьях общественные деятели и писатели в контексте женского движения, были право женщин на образование, равноправие в семье, свобода вступления в брак, право на труд и равную оплату наряду с мужчинами, запрет на бинтование ног. Большая часть идей, которые активно проповедовались на страницах печатных изданий, опиралась на западные концепции. Упомянув на то, что данные модели хорошо зарекомендовали себя в других странах, общественные деятели рассчитывали, что их скорейшее внедрение в китайском социуме приведет исключительно к положительным результатам. Женщины, представавшие перед горожанами на обложках первых цветных журналов, в статьях периодических изданий, на рекламных плакатах, транслировали главную идею: “новая женщина” должна быть “образованной, трудоустроенной, независимой и активно участвующей в общественной жизни” [Hershatter, 2007, p. 86]. Распространение подобных взглядов в сочетании с проводимой в 1920–1930-е гг. Гоминьданом социальной политикой [Степанова, 2012] не могло не оказать значительное влияние на сознание и поведение женщин города. Именно в этот период в Шанхае возникли первые крупные женские объединения, целью которых было отстаивание прав женщины в обществе: Федерация женщин Шанхая, Федерация студенток Шанхайского университета [Степанова, 2012, с. 117].

В мае 1931 г. Нанкинское правительство утвердило новый Гражданский кодекс, регламентировавший взаимоотношения между членами семьи [Чжэн Юнфу, Лу Мэйи, 2007, с. 10]. Годом ранее был принят первый гоминьдановский Кодекс прав женщин [Степанова, 2012, с. 119]. Спустя несколько лет были изданы дополнительные законы, касавшиеся основ брака. Реформа права во многом была направлена на повышение социального статуса женщины и ее роли в семье. С выходом нового кодекса в той части Китая, которая находилась под властью националистов, была утверждена моногамная семья, провозглашены свобода вступления в брак и свобода развода. Впервые в истории страны женщине гарантировались одинаковые с мужчиной права на развод, вне зависимости от того, какая из сторон выступала инициатором [Conner, 2008, p. 1]. Отдельные новые законы, касающиеся института семьи в Китае, принимались правительством и ранее, с установлением Китайской Республики. Однако ввиду тяжелой внутривосточной ситуации в стране многие указы не реализовывались на практике. В Шанхае внедрение новых положений шло со значительным опережением прочих городов Китая. Во многом это связано с большей образованностью и прогрессивностью жителей мегаполиса – представителей среднего и зажиточного классов, а также с элементами западной культуры, активно распространявшимися в городской среде.

Для реконструкции изменений во внутрисемейной сфере жизни шанхайцев в исследуемый период необходимо рассмотреть роль женщин в традиционной китайской семье. В Поднебесной семья считалась уменьшенной копией общества. Законы, по которым функционировало общество, должны были соблюдаться в устройстве семьи.

² Массовое социальное движение в Китае, начавшееся в середине 1910-х гг. Странники данного движения призывали к созданию новой культуры Китая, которая должна была перенять положительный опыт западной науки и культуры.

³ Массовое движение в Китае в мае–июне 1919 г., начавшееся с активного выступления молодежи по всей стране.

⁴ Английский подзаголовок названия журнала – “The New Woman”.

В рамках конфуцианской традиции были распространены несколько концепций, определявших различные стороны взаимоотношений между людьми. В отношении статуса женщины существовала отдельная концепция “тройной покорности”, или “тройного послушания” (*сань цун*). Согласно ей женщина находилась в подчинении у отца или старшего брата в детстве, у мужа и его матери после замужества и у своих собственных сыновей после смерти мужа. Женщина должна была быть абсолютно покорна воле мужчин: “Если ее зовут, она немедленно должна приходиться на зов; если ей приказывают уйти, она должна немедленно уйти” [Фицджеральд, 2008, с. 432]. Женщина не имела права голоса при выборе спутника жизни и во всем должна была подчиняться воле отца. После замужества она не становилась самостоятельным членом общества, попадая под власть супруга и его семьи. Семья являлась единственной сферой деятельности женщин среднего класса, таким образом, зависимость от воли мужчин сопровождала их на всем жизненном пути. Все вышеперечисленные неформальные положения касались лишь семей с высоким и средним достатком, которые значительно чаще встречались в среде горожан. В обычных крестьянских семьях или в среде городской бедноты можно скорее говорить о равноправии полов и равном участии всех членов семьи в принятии решений во все периоды истории Китая.

С начала XX в. положение женщины в семье начало медленно изменяться, она более не была обязана все время уделять семейным делам. Горожанки Республики вышли за пределы внутренних покоев дома. Первые заметные изменения произошли в вопросе отношения к дочерям. В традиционном Китае рождение девочки в семье было значительно менее радостным событием, нежели появление сына. Для бедной семьи это становилось угрозой обеспеченности и стабильности, так как девочка рано или поздно должна была покинуть семью и воспринималась скорее как лишний рот: «Девочка не могла продолжить род, ее предстояло выдать замуж – для родного дома она была “отрезанный ломоть”» [Усов, 2006, с. 20]. К тому же в среде бедняков едва ли можно было ожидать получения большого выкупа за невесту. Если говорить о семьях со средним достатком, то рождение и мальчика, и девочки было вполне приемлемо, но появление в семье только девочек воспринималось как проклятие [И Чжунтянь, 2000, с. 102]. Даже в состоятельных семьях девочкам редко давали образование. Родители не желали тратить деньги на образование девушки, которую все равно ожидает затворническая жизнь в чужом доме: “...девочек часто даже не посвящали в секреты семейного ремесла, чтобы, выйдя замуж, они не могли раскрыть их чужим людям” [Усов, 2006, с. 28].

После получения равных с мужчиной прав отношение китайских семей к рождению дочери изменилось в лучшую сторону. Надежды на заботу о родителях в старости теперь можно было возлагать и на дочь. Девочкам в шанхайских семьях стало доступным образование, они получили возможность развивать интеллектуальные способности и расширять кругозор. На смену подготовки достойной невесты и служанки пришло воспитание равноправного члена общества. Согласно воспоминаниям китайской писательницы Янь Цзюньлин, переехавшей в Штаты и публиковавшей свои работы под именем Аделин Ма, из пятерых детей семьи ее прапрадеда-шанхайца лучшее образование имела именно прабабка. Родная тетя писательницы также получила западное образование, при этом они вместе с братом учились в одной из лучших школ Шанхая [Янь Цзюньлин, 2001, с. 7, 12–13]. Аналогично и в семье Чжан Айлин, известной китайской писательницы, эмигрировавшей в 1950-х гг. в Америку, отец и мать уделяли образованию дочери ничуть не меньше внимания, чем образованию сына. Сам брат писательницы вспоминал, что родители гордились знаниями и успехами дочери в колледже и университете. Сам он всегда находился в тени сестры, о чем сильно переживал [Чжан Цзыцин, 1944, с. 58].

Влияние западной культуры и распространение новых веяний в среде горожан способствовали определенному вольнодумию и дерзости молодых людей, что было

явлением совершенно незнакомым китайскому обществу. В соответствии с традиционной концепцией “сыновней почтительности” (*сяо*) дети должны были беспрекословно исполнять волю родителей. Тем более это относилось к дочерям, которые в силу исторически сложившихся обстоятельств вообще не имели права голоса в семье. Девушки Шанхая, ощущая общественную поддержку, все чаще решались идти на конфликт с семьей ради отстаивания собственных принципов. История периода Республики изобилует упоминаниями о непокорности дочерей, предпочитавших до последнего отстаивать собственную свободу. Многие известные писательницы, актрисы, певицы Шанхая, например Чжан Айлин, Адэлин Ма, Ван Ханьлунь и Ван Жэньмэй, в своих мемуарах упоминают о конфликтах с отцом или даже бегстве из дома.

Писательница Чжан Айлин в возрасте 18 лет решила покинуть дом, так как не готова была мириться с атмосферой в семье после повторной женитьбы отца. Узнав об этом, ее посадили под домашний арест: “В начале 1938 г., как раз перед наступлением Праздника весны, воспользовавшись временем смены охраны около дверей, сестра сбежала” [Чжан Цзыцин, 2003]. Чжан Айлин поселилась у матери. Она решила не оставлять без ответа несправедливое отношение отца и случаи побоев, которые ей пришлось испытать. В возрасте 19 лет Чжан Айлин написала статью на английском языке про события ее домашнего ареста, отправив в газету “Ивнинг пост”. Редакторы предложили для этой статьи весьма громкое название: “Что за жизнь! Что за жизнь у дочерей!”. Чжан Цзыцин вспоминал, что их отец регулярно читал эту газету и, естественно, увидел статью: “Он ужасно разозлился, но, кроме как злиться, ему более ничего не оставалось; статья уже была опубликована” [Чжан Цзыцин, 2003]. В 1944 г. для десятого выпуска популярного журнала “Тяньди” Чжан Айлин написала рассказ “Сокровенное”, где еще раз подробно изложила историю своих нелегких взаимоотношений с отцом [Чжан Айлин, 1944(1)]. Пример Чжан Айлин не был уникальным для общества тех лет. Недаром тема конфликта дочерей с отцами стала популярным сюжетом для кинолент и романов того времени (см., например: [Малутяньши, 1937; Модэн нюйсин, 1945]).

Распространение новых либеральных ценностей в шанхайском обществе не могло не оказать влияния на вопрос заключения брака. В прежние времена брак был социальным долгом каждого члена общества. Для правильного, гармоничного объединения родов семьи жениха и невесты руководствовались целым рядом критериев: соответствием уровня достатка, знатности, учетом места происхождения и рода деятельности. В подобных условиях не шло речи о личных предпочтениях девушки и о наличии влюбленности между будущими супругами. Истории жизни многих шанхайских девушек 1920–1930-х гг. показывают, что в вопросе свободы заключения брака общество достигло значительного прогресса. Современные женщины получили возможность не только узнать будущего супруга до замужества, но и самостоятельно решить, за кого им выходить замуж. С одной стороны, на защиту их интересов были направлены новые издания законов, провозглашавшие свободу брака и невмешательство родителей [Чжэн Юнфу, Лу Мэйи, 2010, с. 7]. С другой стороны, распространение в обществе западных либеральных идей, западного образования способствовало более быстрому отмиранию традиционных порядков. Многие родители не пытались ограничивать свободу своих детей, а сами девушки стали более решительными в отстаивании законных прав.

Так, фильм 1930-х гг. “Ангел дорог” [Малутяньши, 1937] нес зрителям весьма определенный социальный посыл, призывавший смелее противостоять старым традициям. Героиня фильма по имени Сяо Хун демонстрирует традиционное воспитание, она послушна, скромна и застенчива, но при этом стремится к свободной любви. Она пытается противостоять воле приемных опекунов, решивших насильно выдать ее замуж за богатого шанхайца. Сяо Хун сбегает из дома. Чтобы помочь девушке избежать печальной участи, ее возлюбленный предпринимает различные шаги, в том числе обращается к адвокату. Вообще решение семейных противоречий при помощи обращения в суд или к адвокату становится одной из особенностей шанхайского общества

в рассматриваемый период. Сведения о гражданских правах и свободах шанхайские женщины получали из массовых печатных изданий и с экранов кинотеатров.

Рассматривая судьбы женщин огромного мегаполиса, невозможно составить универсальный портрет шанхайских девушек. Можно лишь привести некоторые примеры, говорящие об основных тенденциях, не обязательно характерных для всех жителей города. В начале 1940-х гг. писательница Су Цин так охарактеризовала взгляд шанхайцев на создание семьи: “Нынешнее отношение к браку у всех разное, кто-то более прогрессивный, кто-то по-прежнему консервативен, некоторые пытаются искать золотую середину. Сейчас многие молодые люди знакомятся благодаря друзьям, потом начинают общаться, а уж после решают жениться” [Чжан Айлин, Су Цин, 1945, с. 14–15]. Крайний либерализм одних семей мог соседствовать с консерватизмом и даже оппозиционностью других.

Свобода брака, особенно в 1920-е гг., не была повсеместным явлением. Многие семьи по-прежнему сохраняли патриархальный уклад. Так, одна из самых первых актрис китайского кино, Ван Ханьлунь, происходила из очень состоятельной образованной семьи. При этом ее, ученицу Академии Св. Марии, в возрасте 16 лет отец выдал замуж за состоятельного друга семьи против ее воли. Спустя два года Ван все же сбежала из дома мужа и уже никогда не вернулась в дом отца, придерживавшегося консервативных взглядов. Чтобы заработать себе на жизнь, молодая девушка работала машинисткой, помощницей одного из *тайпаней*⁵ иностранной фирмы, пока не попала на пробы в кино [Дай Юньюнь, 1999, с. 83–84].

Изменение положения девушек в семье отразилось и на свободе выбора ими будущей профессии. Подобно одной из первых китайских киноактрис, Ван Ханьлунь, сбежавшей из семьи нелюбимого мужа и ставшей впоследствии известной актрисой, певица Хань Циньцин отважилась пойти наперекор воле отца в стремлении заниматься любимым делом. Девушка происходила из очень богатой семьи, жила в роскошном доме во Французской концессии. Циньцин с детства любила петь, свой первый конкурс она выиграла в возрасте семи лет. Отец не разделял увлечение дочери и противостоял ее желанию стать певицей. В итоге Хань Циньцин сбежала из дома и, еще не достигнув 15-летнего возраста, начала самостоятельно зарабатывать себе на жизнь [Дай Юньюнь, 1999, с. 102].

Пороки старого общества постоянно фигурируют в сюжетах романов Чжан Айлин, принесших ей всемирную славу. В ее книгах о жизни китайских женщин в столичных городах 1930–1940-х гг. встречаются истории семей, где дочь в выборе своего жизненного пути вынуждена по-прежнему руководствоваться волей отца или братьев. Судьбы большинства героинь раскрываются через конфликт с будущим супругом, которого выбирают для них члены семьи в погоне за материальной выгодой или повышением социального статуса (см., например: [Чжан Айлин, 2012]). Цзян Синьчжэнь, исследуя женские образы в романах писательницы, указывает, что в качестве сюжета сразу нескольких историй была использована продажа дочери в содержанки богатому предпринимателю для продолжения рода, ведения домашнего хозяйства или оказания сексуальных услуг [Jiang Xingzhen, 2004, p. 5]. Говоря об отказе от многих предрассудков в отношении дочерей, получении девушками права на самостоятельный выбор будущей жизни, необходимо признать, что повышение статуса женщины в семье не стало характерным явлением во всех слоях населения города. Однако новая массовая культура, экономические условия и повышение уровня образования женщин Шанхая способствовали изменению самих форм семейной жизни и появлению новых социальных-личностных проблем.

⁵ *Тайпань* (от кит. “большая группа”) – слово произошло от искаженного произношения “daban”, которым называли крупные западные компании в Китае. Позже тайпанями стали называть высокопоставленных сотрудников западных представительств или головных компаний в континентальном Китае и Гонконге. В Шанхае начала XX в. трудилось большое количество тайпаней, поэтому данный термин стал весьма популярным в англоязычных произведениях тех лет.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА НАЛОЖНИЦ

Одним из проявлений потребности в чувственных удовольствиях и плотской любви стало складывание в традиционном китайском обществе института наложничества. К началу XX в. эта традиция насчитывала уже много столетий, поэтому ни новые указы правительств, ни прогрессивные толки не смогли упразднить ее в одночасье. Но изменения все же происходили: если ранее женщина выступала лишь объектом в реализации мужского стремления к плотской любви, то под влиянием западной культуры и западного понимания любви она стала равноправным субъектом этих отношений. Культурный синтез привел к появлению в городе социальных явлений, прежде незнакомых китайскому обществу. На примере жизни шанхайцев 1920–1930-х гг. прошлого столетия можно наблюдать конфликт двух систем ценностей: традиционного семейного уклада и свободной любви.

В традиционном понимании китайцев главная жена являлась единственной законной супругой мужа. Их союз имел статус официальных брачных отношений, и заключение его требовало прохождения ряда формальных действий и обрядов. По этому поводу китайский писатель Фэн Мэнлун заметил, что “из всех видов отношений между людьми отношения между мужем и женой – самые близкие... Древние считали женщину, торжественно приведенную в дом, законной женой, а женщину, приведенную без соблюдения церемоний, – наложницей” [Фэн Мэнлун, 2003, с. 172–173]. Таким образом, по социальному статусу и отношению общества жена пользовалась защитой конфуцианской этики и закона. Она имела положение, которого наложница достигнуть не могла.

Отношения наложницы с мужем носили характер неофициальных связей. Под словом “неофициальный” подразумевается, что младшая жена не получала благословения отца и матери, при заключении союза не было посредничества свахи и обряда бракосочетания. В наложницы попадали следующими способами: “их воровали, забирали силой или обманом, покупали, забирали в качестве долга, одалживали” [И Чжунтянь, 2002, с. 130]. Между семьей мужа и семьей наложницы не существовало брачно-родственных отношений, они вообще не считались родственными семьями. О наложнице мужа не говорили, что на ней “женились” – употребляли слово “взяли”: муж взял себе наложницу (*на цинь*) или даже “купил” ее. Таким образом, в китайской семье между мужем и наложницей формально не существовало правовых отношений, однако фактически они являлись супругами. Наложнице разрешалось иметь только одного полового партнера – мужа. Дети, рожденные наложницей, считались законнорожденными. Наложница обычно проживала вместе с супругом. Младшая жена, как правило, не занималась воспитанием детей, потому что образование сыновей и дочерей – долг и обязанность старшей жены. Задача у наложницы только одна – удовлетворять потребности мужа. В китайском обществе те, кто имел право взять наложницу, в большинстве своем были людьми с заслугами, пользовавшимися почетом. По словам И Чжунтяня, бывший учащийся *сюцай*, успешно сдавший государственные экзамены, став важным чиновником при императорском дворе, должен был сделать четыре вещи: “обзавестись паланкином, получить титул, написать какое-либо произведение, взять наложницу” [И Чжунтянь, 2002, с. 148].

Основными обязанностями наложниц были прислуживание супругу и удовлетворение его желаний. В случае, когда главная супруга не обеспечивала семье рождение мужского потомства, эта задача перекладывалась на младших жен. Взаимоотношения между главой семьи и наложницей в традиционном Китае скорее были похожи на чувственную любовную связь, в то время как отношения законных супругов скорее напоминали дружбу и сотрудничество. Логично предположить, что социальные реформы, проведенные правительством Китая в первой половине XX в., должны были положить конец существованию института младших жен и создать основу для моногамного брака, который бы выполнял и личностную, и социальную функции. Однако

китайское общество еще во многом было не готово принять такую модель семейного устройства.

В соответствии с новыми юридическими положениями нанкинского правительства Чан Кайши в Китае было официально закреплено существование моногамного брака. Таким образом, наличие младших жен (*сяо лаопо*) было запрещено законом. Первые указы, направленные на искоренение института наложничества в Китае, стали издаваться задолго до 1930-х гг., еще в первые годы Республики [Conner, 2008, p. 11]. На страницах журналов и газет постоянно появлялись статьи, осуждавшие институт младших жен и указывавшие на его оскорбительный и унижительный для женщин характер. Шанхайское общество, будучи наиболее прогрессивным и либеральным по сравнению с остальными частями страны, принимало активное участие в данной полемике. Девушки в городе становились все более образованными и самостоятельными, они получили возможность свободно общаться с молодыми людьми и определять будущую семейную жизнь. Но все это не помогло преодолеть те поведенческие модели, которые формировались в обществе веками.

Отказ от полигамных браков в пользу моногамии происходил медленно. Исследовательница китайского гражданского права Элисон Коннер говорит о том, что даже в шанхайских кинолентах конца 1940-х гг. по-прежнему можно увидеть сюжеты, отражавшие существование института младших жен в городской среде [Conner, 2008, p. 11]. Большая часть состоятельных горожан откликнулась на призывы общественных деятелей и просветителей лишь изменениями в форме внутрисемейных отношений, но не в их сути. У слов “наложница” и “младшая жена” (*тайтай* или *сяо лаопо*) в исследуемый период появились дополнительные оттенки смысла, сближающие их с западным понятием любовницы или содержанки. Младшие жены некоторых состоятельных горожан больше не жили под одной крышей с официальной супругой, не прислуживали ей и не занимались продолжением рода. Их не похищали и не покупали. Многие девушки, столкнувшись с экономическими сложностями и испытав влияние новой массовой культуры, добровольно соглашались на роль содержанки. Писательница Су Цин в своем интервью начала 1940-х гг. среди причин, по которым девушки соглашались на роль содержанки, выделила образованность: “...для менее образованных девушек легче выйти замуж, а женщинам с более высоким уровнем интеллекта, раз не можешь найти подходящую пару, только и остается, что пытаться всеми способами компенсировать эту нехватку... уж лучше найти себе любовника и быть второй женой у нормального мужчины” [Чжан Айлин, Су Цин, 1945, с. 15].

Таким образом, основным отличием, характеризующим институт наложниц в период Республики, стало добровольное желание женщины играть роль “младшей” жены. При этом важно отметить, что содержанками становились не только девушки из неблагополучных семей без средств к существованию, но и женщины из среднего класса, имевшие образование и возможность самостоятельно обеспечить себя. Эти женщины в стремлении сохранить собственную свободу и независимость предпочитали не связывать себя узами брака. Вместо этого они получали чувственные и материальные удовольствия в статусе содержанок. Под влиянием западной культуры такие женщины попали в мир прежде недоступных возможностей и соблазнов. Они не желали следовать традиционным нормам и быть лишь женами своих мужей. Шанхайские девушки, с одной стороны, искали иные формы самовыражения, пытались не быть похожими на женщин старого общества. Но, с другой стороны, многовековая привычка жить за счет мужчины и не заботиться о собственном заработке толкала их на путь содержанок.

НЕСЧАСТЛИВЫЕ БРАКИ И ОДИНОЧЕСТВО В ГОРОДЕ

Одним из основных конфликтов в среде шанхайского социума стало значительное увеличение числа женщин, в силу различных причин не имевших семьи. В традиционном Китае у женщины была лишь одна роль – семейная. Безусловно, некоторые женщи-

ны находились вне рамок семьи, но это скорее было исключением из правила. Жизнь, ограниченная внутренними покоями дома, была характерна как для крестьянок, так и для жительниц городов. Именно поэтому потеря семейного статуса воспринималась многими женщинами весьма болезненно.

Одиночество в городе стало одной из основных проблем новой женщины Шанхая в исследуемый период. В 1920–1940-е гг. жительницами маленьких уединенных квартир в шанхайских апартаментах⁶ становились не только содержанки богатых китайцев, но и одинокие женщины, самостоятельно зарабатывающие себе на жизнь. Апартаменты оказались не только “надежным убежищем от посторонних глаз”, но и наиболее удобным пристанищем для “жизни в одиночку” [Чжан Айлин, 1943, с. 20]. В среде горожанок появилось большое количество весьма обеспеченных, образованных женщин, не имевших ни детей, ни мужа. Если верить описанию Аделин Ма, то в 1920-е гг. в шанхайской среде увеличилось количество женщин, которые были сторонницами однополой любви: “В обществе ходили кое-какие слухи, так как они не только жили вместе, но и спали в одной кровати. В те времена в Китае взаимоотношения между двумя женщинами хоть и подвергались насмешкам, но воспринимались достаточно терпимо” (цит. по: [Янь Цзюньлин, 2001, с. 10]).

Волна либеральных и прогрессивных движений, прокатившаяся по Китаю в конце 1910-х – начале 1920-х гг., наряду с получением девушками доступа к образованию способствовала становлению новой мыслящей женщины. Число выпускниц с высшим образованием росло год от года, что породило неожиданные противоречия в городской среде:

“Десять лет назад, когда в обществе были распространены революционные настроения, всем казалось, что лучше всего брать в жены современную девушку. Сейчас общество находится в состоянии застоя, и многие мужчины полагают, что практичнее жениться на девушке более традиционных взглядов. Прогрессивно мыслящие женщины теперь разве что хороши в качестве любовниц, так что девушки с образованием сейчас не в моде” [Чжан Айлин, Су Цин, 1945, с. 16].

Одиночество современной женщины в большом городе стало одним из следствий тех прав и свобод, которые так стремились получить юные студентки Шанхая. Образование и самостоятельное мышление стали преградой для шанхайских женщин на пути к обретению семьи. Неудовлетворенность окружающими мужчинами вынуждала все большее число “новых женщин” Китая искать альтернативы моногамному браку. Чжан Айлин, описывая неудавшийся брак своей подруги Су Цин, указала на совершенно новое явление для китайского общества: мужчина, традиционно главенствовавший над женщиной, принимавший все решения как на уровне страны, так и семьи, впервые проявил свою слабость перед лицом женщины. Он оказался не готовым к тому, что женщины смогут не только заниматься низкооплачиваемым трудом, но и конкурировать с мужчинами за рабочие места, расти профессионально:

“Ее муж вовсе не плохой человек, просто он привык жить барином. Если бы они могли позволить себе безбедное существование, то их отношения сохранились бы и дальше. Однако крушение социальной системы вскрыло всю его неспособность быть ответственным. Он не мог содержать семью, его чувство собственного достоинства ограничивало ее профессиональный рост” [Чжан Айлин, 1945].

Размышляя о том, что женщина за внешней прогрессивностью остается внутренне все так же зависимой от мужчин, Чжан Айлин написала очерк “Женщины похожи”, в котором выразила свое мнение о современных горожанках: “Одеты на западный манер... упрямы характером” и “всегда стоят на своем”, во всех грехах винят лишь мужчин и “неделями могут с ними не разговаривать”, но сами и дня не могут прожить,

⁶ Кит. *гунъюй* – многоквартирные дома, располагавшиеся в центральной части Шанхая. Начиная с 1920-х гг. апартаменты стали одной из популярных форм жилой застройки.

чтобы не думать о них [Чжан Айлин, 1944(2), с. 133]. Очевидно, что горожанок привлекал западный либерализм. Внешне им удавалось подражать женщинам Европы и Америки, но внутренне они не были готовы к переменам, “привычку нескольких тысяч лет не изменишь в один день, нужно время...” [Чжан Айлин, 1944(3), с. 16].

Еще одним противоречием новой эпохи стала экономическая самостоятельность женщины. Имея возможность обеспечить себя, многие горожанки стали значительно более критично смотреть на собственный брак. Если ранее женщина вынуждена была полностью полагаться на мужа и его семью, теперь у нее появилась альтернатива. Увеличение разводов и отстаивание собственных интересов в браке “новыми женщинами” стали еще одной тенденцией в среде жителей Шанхая. В прежние времена развод с мужем приводил к тому, что девушка возвращалась в родную семью и до конца жизни подвергалась упрекам и осуждению. Расторгнуть супружеский союз в традиционном Китае могли исключительно супруг или его родители. В условиях, когда женщина практически во все периоды истории страны была лишена прав на наследование, не распоряжалась никаким имуществом, а в доме собственных родителей чаще всего состояла на положении временной гостьи, у нее не должно было возникать помыслов о разводе. Законными поводами для развода считались семь причин: бесплодие, нарушение женой супружеской верности, беспутство и ревность, дурное обращение с родителями мужа, непокорность и непослушание, склонность к воровству, неизлечимые болезни и болтливость [И Чжунтянь, 2002, с. 33]. Несмотря на столь широкий спектр поводов, разводы в Поднебесной были редки. Во-первых, законно приведенная в дом супруга удостоивалась аудиенции перед духами предков, а значит, брак уже нес некую степень святости. Во-вторых, если речь идет о бедных слоях населения, деньги, потраченные на свадьбу, были значительной суммой, и не у каждой семьи были средства на поиск и приобретение новой жены. Издание в начале XX в. официальных законов о браке, регламентировавших процедуры развода и раздела имущества, привело к многочисленным изменениям в семейной жизни шанхайцев. Женщины получили право голоса в решении семейных вопросов. Они могли требовать от мужа развода, повторно выходить замуж и не зависеть материально от своего супруга. Чжан Цзыцин вспоминает, что недостойное поведение отца регулярно встречало отпор со стороны матери и в итоге закончилось разводом: “Мама хоть и происходила родом из весьма патриархальной семьи, но по своим взглядам вовсе не была консервативной. Она не только не стала терпеть выходки отца, но и даже многократно предупреждала его, что уйдет” [Чжан Цзыцин, 2003]. В Шанхае того времени разведенные женщины более не исключались из социальной жизни, как это было ранее, однако они по-прежнему сталкивались с осуждением окружающих и даже родных.

Фильм “Нравы страны” [Го фэн, 1935] наглядно демонстрирует сохранявшиеся предубеждения родственников девушек о том, что разведенная женщина обрекала себя на жалкое существование и одиночество. Показательно, что в отличие от первых фильмов о разводе, где расторжение брака представлялось спасительным для женщины действием, кинокартины середины 1930-х гг. уже отражают новые социальные настроения. Сравнивая картины шанхайских киностудий начала 1930-х и середины 1940-х гг., Элисон Коннер пришла к выводу, что значительное влияние на изменение сюжетной линии оказало движение за новую жизнь (*синь шэнхо юньдун*) [Conner, 2008, p. 4–5]. Оно пропагандировало отказ от слепого следования западным идеалам, призывало к возврату к традиционным культурным ценностям и конфуцианской морали. Движение за новую жизнь частично шло вразрез с движением за новую культуру. Оно вполне соответствовало духу национальной партии Гоминьдан, выступавшей за изгнание иностранцев с территории страны. Одним из рычагов его деятелей в борьбе с иностранной культурой стала критика тех социальных конфликтов, которые уже наблюдались в городском обществе к началу 1930-х гг. К числу подобных противоречий наряду с одиночеством можно отнести усиление депрессий у части горожан, неспособность справ-

латься с возросшим давлением жизни в мегаполисе. Мотивы одиночества женщины в городе и разрушения института семьи постоянно присутствуют в романах Чжан Айлин, созданных в 1940-е гг. в Гонконге и Шанхае [Liu Zhou, 2011; Jiang Xingzhen, 2004].

Конфликты нового времени в городской среде нашли отражение в многочисленных работах шанхайских киностудий 1930–1940-х гг. Социальные противоречия четко прослеживались не только в придуманных сюжетах, но и в реальных жизненных коллизиях тех женщин, которые стали гордостью и легендами китайского кинематографа. Знаменитые королевы “серебряного экрана” и золотые голоса шанхайской эстрады на сцене и в жизни демонстрировали приверженность новым ценностям общества [Дай Юньюнь, 1999, с. 90]. В сердцах простых жительниц Шанхая они были воплощением современной женщины, но своими судьбами они скорее демонстрировали весь трагизм, который ждал женщину в новое время. Достаточно сказать о самоубийствах кинозвезд Ай Ся, Жуань Линьюй, певиц Сяо Даньгуэй, Ма Чжанхуа, ранней смерти актрисы Чжи Ланьфан [Дай Юньюнь, 1999, с. 108–110]. Жизнь и творчество известных женщин Шанхая были излюбленными темами печатных изданий. Фотографии звезд и заметки об их частной жизни присутствовали в каждом выпуске журналов “Линлун”⁷ и “Лянью”⁸. Еще несколько десятилетий назад китайская женщина должна была находиться во внутренних покоях своего дома и без повода не имела права покидать его стены. Теперь же часть женщин не просто вышли в свет, а полностью лишились права на частную жизнь. Семейные проблемы шанхайских девушек становились достоянием общественности, что лишь усугубляло психологические конфликты.

Одной из знаковых фигур в истории города стала актриса Жуань Линьюй – одна из самых популярных женщин всего Китая 1930-х гг. За 9 лет карьеры в кино она успела сняться в 29 фильмах. Картина “Богиня” принесла ей всенародную славу в возрасте 24 лет. Она играла роли, которые представляли всю палитру женских судеб современного города. В 1935 г. накануне праздника 8 марта Жуань Линьюй покончила жизнь самоубийством, оставив лишь короткое завещание. Неожиданная смерть кумира всколыхнула общественные массы. Записка начиналась позаимствованной из древнекитайской поэзии фразой “Жэнь янь кэ вэй”. Дословно фразу можно перевести как “Страшна людская молва”. Многие исследователи сходятся в мысли, что этой фразой Линьюй пыталась выразить свое отношение к репортерам шанхайской прессы, очернившим ее репутацию. Лу Синь в знак скорби и уважения к поступку Жуань написал статью «О фразе “Страшна людская молва”», опубликованную в газете “Тай бай” 20 мая 1935 г. [Лу Синь, 1935]. В ней писатель рассуждал о том, что средства массовой информации наживались на трагедиях современных людей. Размышляя о поступке кинозвезды, он написал, что современная женщина не была готова к происшедшим в жизни переменам и оказывалась легкой мишенью для репортеров: “...влияние прессы на самом деле не исчезло полностью, для кого-то оно пустой звук, а для кого-то губительно; для сильных оно слабо, зато для слабых оно обладает огромной силой” [Лу Синь, 1935].

Показательным было и завещание, оставленное актрисой. В нем она обратилась к своему бывшему мужу Вэй Дамину и актеру Тан Лишаню, с которым актриса жила на момент самоубийства. Последние слова Жуань Линьюй показывают то, насколько слабой и беспомощной она была в решении собственных семейных проблем. Она никак не соответствовала образу той сильной современной женщины, которую играла в кино:

⁷ Линлун (“Элегантность”) – полноформатный иллюстрированный женский журнал, издававшийся в Шанхае в период 1930–1937 гг., ставший популярным далеко за пределами Китая. Название журнала практически непереводаемо на русский язык, в западной историографии оно просто записывается как “Linloon”, хотя порой указывается переводное соответствие “Элегантность” или “Утонченная элегантность”.

⁸ Лянью (“Юный компаньон”) – иллюстрированный журнал, издававшийся в Шанхае в 1920–1930-е гг. На обложке журнала имелось два названия: китайское “Liangyou” и английский “The Young Companion”. Журнал выходил с 1926 г., став первым крупноформатным журналом, с большим количеством иллюстраций, ориентированным на широкую женскую аудиторию.

“Единственное, о чем сожалею, так это о том, что позволила вам двоим в своей борьбе превратить меня в приз победителю. Но сейчас уже поздно” [Жуань Линьюй, 1935].

Итак, наряду с новыми правами и свободами жительницы Шанхая столкнулись и с большими сложностями материального и психологического характера. Невозможность принятия самостоятельных решений, тотальная зависимость девушек от воли отца, а затем и мужа, защищенность от решения материальных проблем, закрытость личной жизни от общественного мнения были характерны для традиционного китайского общества. Неспособность рядовой женщины в повседневной жизни соответствовать пропагандируемым массовой культурой образам привела к возникновению конфликтов, от которых китаянка была ограждена в прошлом. Резкие изменения окружающей действительности, происшедшие в период 1910–1930-х гг., привели к распространению в обществе одиночества, самоубийств, иждивенческих настроений, упадку общего морального облика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Го Можо. Шанхай иньсян (Впечатления от Шанхая) // *Шиши синьбао*. 1921.04.04. URL: http://yizitong.com/cpoetry/cipai.php?cipai_id=511&roem_id=248851&no=2.
- Го фэн* (Нравы страны). Реж. Ло Минъю. Шанхай, 1935 [фильм].
- Дай Юньюнь. *Шанхай сяоцзе* (Шанхайская девушка). Шанхай, 1999.
- Жуань Линьюй. *Жэнь янь кэ вэй* (Страшна людская молва). 1935. URL: <http://www.tianyabook.com/luxun/qjtz1/005.htm>.
- И Чжунтянь. *Чжунго дэ наньжэнь хэ ньюжэнь* (Мужчина и женщина в Китае). Шанхай, 2000.
- Лу Синь. Цзинпай юй хайпай (Пекинский стиль и шанхайский стиль). 1934. URL: <http://www.tianyabook.com/luxun/qjtz1/002.htm>.
- Лу Синь. Лунь “Жэнь янь кэ вэй” (О фразе “Страшна людская молва”) // Тай бай. 20.05.1935. URL: <http://www.tianyabook.com/luxun/qjtz1/005.htm>.
- Малутяньши* (Ангел дорог). Реж. Юань Мучжи. Шанхай, 1937 [фильм].
- Модэн ньюсин* (Современная девушка). Реж. Ту Гуанци. Шанхай, 1945 [фильм].
- Селиверстова Ю.А. Влияние иммигрантской среды на формирование и развитие культуры Шанхая конца XIX – начала XX вв. // *Материалы ежегодной межвузовской конференции “Восток и Запад: приоритеты эпох”*. Москва, 19 апреля 2013 г.
- Степанова Е.Н. Основные этапы эволюции гендерной политики Гоминьдана // *Восток (Oriens)*. 2012. № 3.
- Усов В.Н. *Жены и наложницы Поднебесной*. М., 2006.
- Фидджеральд Ч.П. *История Китая*. М., 2008.
- Фэн Мэнлун. Энциклопедия любви // *Китай: энциклопедия любви*. Сост., пер. с кит., вступ. ст. и комм. В.В. Малявина. М., 2003.
- Чжан Айлин. Гуньюй шэнхо дэ цзицой (Интересные заметки о жизни в апартаментах) // *Тяньди*. 1943. № 3.
- Чжан Айлин. *Сьюй* (Сокровенное). 1944(1). URL: <http://book.kanunu.org/book3/7108/index.html>.
- Чжан Айлин. Юй ной тун чэ (Женщины похожи) // *Цзачжи*. 1944(2). № 1.
- Чжан Айлин. Тань ньюжэнь (О женщинах) // *Тяньди*. 1944(3). № 14.
- Чжан Айлин. *Во кань Су Цин* (О Су Цин). 1945. URL: <http://book.kanunu.org/book3/7108/index.html>.
- Чжан Айлин. Любовь, разрушающая города // *Пограничный городок. Китайская проза XX века* / Пер. с кит. яз. Сост. А.А. Родионов. СПб., 2012.
- Чжан Айлин, Су Цин. Гуаньюй фунюй, цзятин, хунинь чжувэньти (О женщинах, семье и браке) // *Цзачжи*. 1945(14). № 6.
- Чжан Цзыцин. Во дэ цзыцзы Чжан Айлин (Моя сестра Чжан Айлин) // *Бяо*. 1944. № 10. С. 61.
- Чжан Цзыцин. Во дэ цзыцзы Чжан Айлин (Моя сестра Чжан Айлин). Шанхай, 2003. URL: <http://learning.sohu.com/2004/04/01/03/article219700394.shtml>.
- Чжоу Цзожэнь. *Шанхай ци* (Дух Шанхая). 1926. URL: <http://www.xiexingcun.com/sanwen/3012.htm>.
- Чжэн Юнфу, Лу Мэйи. *Чжунго фунюй тунши, миньгоцзюань* (История женщин Китая, период Респуб-лики). Ханчжоу, 2010.
- Янь Цзюньлин. *Ло е гуэй гэн* (Опавшие листья возвращаются к корням). Пекин, 2001.
- Conner A.W. Don't Change Your Husband: Divorce in Early Chinese Movies // *Law review*. 2008. Vol. XL. № 5. URL: <http://ssrn.com/abstract=1427535>.
- Hershatter G. *Women in China's Long Twentieth Century*. Berkeley, Los Angeles, 2007.
- Jiang Xingzhen. Fated Futures: Females in Eileen Chang's Fictions // *Hongguangrenwenxuebao*. 2004. № 1. URL: <http://web.hk.edu.tw/~humanities/journa/1-15.pdf>.
- Liu Zhou. The commercialization of emotions in Zhang Ailing's fiction // *Journal of Asian Studies*. 2011. Vol. 70. № 1.